

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-51-66>
<https://elibrary.ru/ALFRRV>
УДК 82-1

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Ирина ГОЛОВACHEВА

ВИЛЬСОН 1. ВИЛЬСОН 2. НАБЛЮДЕНИЯ НАД ОДНОЙ ОБСЕССИЕЙ ПОЭВедОВ

Аннотация: В статье предлагается новый взгляд на один из самых знаменитых двусмысленных двойнических текстов мировой литературы — новеллу Э.А. По «Вильям Вильсон» (“William Wilson”, 1839), странности и несообразности которой отнюдь не исчерпываются загадочным сюжетом и не объясняются лишь за счет феномена «ненадежный рассказчик». Новелла По о раздвоенном герое сравнивается в статье с другим, не менее известным текстом — с «Веселым уголком» Генри Джеймса. Цель соположения двух текстов заключается в демонстрации разницы подходов двух писателей к конструированию двойственности и, следовательно, в анализе отличий читательской рецепции этих текстов. Предложенные критиками многочисленные прочтения «Вильяма Вильсона» — как нравоучительной притчи, психопатологического этюда, истории близнецов или повествования о сновидении — в большинстве своем грешат тем, что игнорируют противоречия, содержащиеся в самом тексте. Особый вызов данная новелла предьявляет, как это ни парадоксально, не наивному читателю, а специалистам по творчеству Э. По. Зная постулаты его эстетической теории «единого эффекта», нельзя не заподозрить, что все парадоксы «Вильяма Вильсона» им рассчитаны. Мы предлагаем воспользоваться инструментарием гештальтпсихологии и когнитивного литературоведения в защиту новой интерпретации новеллы По как текста-исследования когнитивного диссонанса, содержащего последовательно расставленные логические ловушки. В такой интерпретации несообразности «Вильяма Вильсона» предстают как парадоксально эффективные.

Ключевые слова: допфельгангер, американский рассказ, Эдгар Алан По, фасцинация, двусмысленность, онейрический нарратив, гештальтпсихология, когнитивный диссонанс, когнитивное литературоведение

Информация об авторе: Ирина Владимировна Головачева, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3873-490X>. E-mail: igolovacheva@gmail.com.

Для цитирования: Головачева И.В. Вильсон 1. Вильсон 2. Наблюдения над одной обсессией поэвдов // Литература двух Америк. 2024. № 17. С. 51–66. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-51-66>

Работа выполнена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, исследовательский грант 123042000103-6 [M1_2020_5].

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-51-66>

<https://elibrary.ru/ALFRRV>

UDC 82-1

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Irina GOLOVACHEVA

WILSON 1. WILSON 2: OBSERVATION ON A POE SCHOLARS' OBSESSION

Abstract: The paper offers a new interpretation of one of the most famous ambiguous doppelganger pieces in world literature, E.A. Poe's "William Wilson" (1839) the inconsistencies of which are notorious. Those are generally attributed to Poe's "unreliable narrator." Poe's tale is set aside in the article with another, equally well-known doppelganger text, to "The Jolly Corner" (1901) by Henry James. The comparative study aims at highlighting the difference in the two writers' approaches to building up ambiguity and, consequently, the difference in the reader's reception of these texts. The numerous explanations of "William Wilson," previously suggested in Poe's scholarship, — as a moralizing parable, a study in psychopathology, a story of twins, a dream narrative, etc. — tend to ignore the inconsistencies. Paradoxically, the tale presents a special challenge to Poe scholars rather than to the 'naïve' readership. Knowing his aesthetic theory of the "unity of effect," one cannot help but suspect that all the paradoxes of "William Wilson," its carefully placed logical traps were predetermined. The paper employs the instruments of Gestalt-psychology and methods of cognitive literary criticism to provide a new reading of Poe's novella as a case-study of cognitive dissonance. In such an interpretation, the inconsistencies of "William Wilson" turn out to be paradoxically effective.

Keywords: doppelganger, American short story, E.A. Poe, fascination, dream narrative, Gestalt-Psychology, cognitive dissonance, cognitive literary science.

Information about the author: Irina V. Golovacheva, PhD, Doctor Hab. in Philology, Professor, Saint-Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., 199034, St. Petersburg, Russia, E-mail: igolovacheva@gmail.com. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3873-490X>.

For citation: Golovacheva, Irina. "Wilson 1. Wilson 2: Observation on a Poe Scholars' Obsession." *Literature of the Americas*, no. 17 (2024): 51–66. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-51-66>

Acknowledgements: The research was supported by St. Petersburg State University, grant 123042000103-6 [M1_2020_5].

Введение в проблему

«Вильям Вильсон» (“William Wilson”, 1839) Эдгара По — один из текстов, который продолжает привлекать «наивных» и тревожить искушенных читателей. Современная генерация поэтов в свою очередь поддалась особой «унаследованной» obsession — стремлению предложить собственное непротиворечивое прочтение новеллы. Об объективных истоках данной одержимости и некоторых примерах ее преодоления и пойдет речь в нашей статье. Кроме того, мы попытаемся предложить собственную интерпретацию, несколько не сомневаясь в том, что и она не будет последней и/или исчерпывающей.

Вне зависимости от степени искушенности интерпретатора данная новелла, во-первых, притягивает внимание благодаря *двойническому сюжету*, практически гарантирующему эффект «фасцинации» [Baumbach 2015]. Эта последняя поддерживается не в последнюю очередь за счет невероятных и потому впечатляющих поворотов. Корни фасцинации — в данном случае корни страха и подозрения, возбуждаемых повествованиями о расщепленном или дублированном Я, — уходят в глубинные психические структуры¹. Фундаментальная непостижимость бессубъектных составляющих Я, пусть и наделенных имажинерной самостоятельностью, особенно остро ощущается авторами двойнических шедевров, оставляющих тайну мульти- или бессубъектности неразгаданной.

Во-вторых, гипнотическое притяжение «Вильяма Вильсона» объясняется *двузначностью*. В нашем распоряжении нет твердых доказательств как реальности второго Вильсона, так и его нереальности. Заметим сразу, что отнюдь не все двойнические тексты мировой литературы оставляют читателя в недоумении относительно реальности/нереальности двойников. Так, например, нет никаких сомнений относительно фактического сосуществования странных «близнецов» в новелле «Двойник» (*Die Doppelgänger*, 1821) Э.Т.А. Гофмана. При-

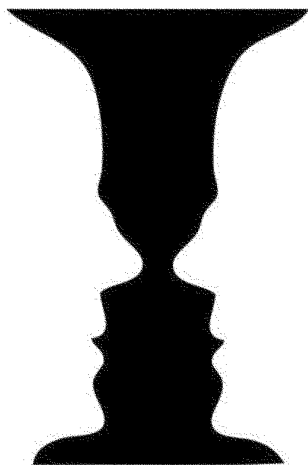
¹ Я выражаю искреннюю благодарность профессору В.А. Петровскому, известному психологу, за щедрый обмен мнениями о феномене двойничества как аттракторе интересов аудитории. В нашем диалоге Петровский высказал мысль о том, что, по существу, наше Я состоит из нескольких бессубъектных «я», каждое из которых ввиду специфики нашего самопознания не может быть осмыслено иначе как путем признания за ним субъектности. Подробнее об этом см. [Петровский 2010], [Петровский 2023]. Я также благодарю участников X Международной конференции по когнитивной науке (Пятигорск, июнь 2024 г.), высказавших свои соображения по поводу моего доклада «Двузначность и когнитивное литературоведение».

мером недвусмысленного изображения «другого Я» служит и повесть Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (*The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde*, 1886). Стивенсон не оставляет места для сомнений относительно попеременного физического бытия и добродетельного доктора, и его alter ego, уродливого мерзавца.

Для введения в проблему *двусмысленности* (ambiguity) *двойнического текста* представляется продуктивным взять в качестве точки отсчета пример *сбалансированной двусмысленности*, обнаруживаемой в двойническом рассказе «Веселый уголок» (“The Jolly Corner”, 1908) Генри Джеймса, классика, прославившегося, кроме всего прочего, мастерством «затемнений» (adumbrations). Центральный персонаж джеймсовского рассказа, Спенсер Брайдон, вернувшись из Европы в родной нью-йоркский дом, осознает, что его преследует незримая сущность — в некотором роде он сам, но в «американском исполнении». Его двойник, до некоторых пор невидимый, наделен совершенно

фантастической независимостью от первого: он не последовал в свое время в Европу и, судя по всему, сделал успешную карьеру в Америке, на родине.

Образ двойника в рассказе Джеймса допускает два равновесных альтернативных объяснения: 1) в качестве галлюцинации; 2) в качестве спиритического явления. Ни одну из трактовок нельзя полностью отрицать — текст не дает нам такой возможности. Обе интерпретации логичны и находят подтверждения в тексте. Парадокс фигуры-фона, известный из гештальтпсихологии, сохраняется, пока мы читаем рассказ.

Классическая иллюстрация соотношения фигуры и фона.

В процессе чтения мы существуем в режиме колебаний². Джеймс попеременно заставляет наше сознание выдвигать на перед-

² Мое когнитивистское прочтение рассказа Джеймса вдохновлено среди прочего главой Карин Кукконен [Kukkonen 2017] о колебаниях читательской рецепции фантастических текстов. Кукконен взяла в качестве примера

ний план «фигуру» двойника то в качестве *галлюцинации*, то в качестве *спиритического двойника, обретшего зримые очертания*. Во втором случае версия галлюцинации становится «фоном». Читатель, однако, не может пребывать в беспрестанном колебательном режиме. Ему требуется составить целостную, а значит, непротиворечивую картину. Покончив с колебаниями и согласившись, например, с тем, что двойник Брайдона реален, читатель сталкивается с еще одной загадкой, пытаюсь ответить на вопрос, кто победил в психологическом поединке двойников — *ego* или *alter ego*, обретшее в конце концов зримую форму. Большая часть критиков утверждает, что именно Брайдон вышел из этого поединка победителем³. Нельзя, однако, не заметить, что психика «победителя» Брайдона не выдержала встречи с дублером. Увидев несходство себя и «отвратительного» двойника, он потерял сознание на пороге вестибюля, где был обнаружен лишь на следующий день. Проблема в том, что сам герой не знает, как ему квалифицировать итоги противостояния с двойником. Так, читатель сталкивается с загадкой второго порядка, обнаруживаемой внутри загадки не/реальности двойника. Отметим, что двойственность и сумеречная зыбкость изображения нисколько не мешает целостности восприятия шедевра Джеймса. Ни одна из возможных интерпретаций не делает общую картину несообразной. Не вызывает вопросов и логика сюжета, равно как и мотивировка поступков героя. В отличие от рассказа Джеймса, двусмысленность которого сбалансирована и не оставляет вопросов относительно задачи, которую поставил перед собой автор, новелла Эдгара По является примером почти неразрешимой загадки авторских намерений, вызывающей тревожный поиск ответа.

Два Вильсона

Обратимся к основному предмету наших рассуждений — к тексту-головоломке «Вильям Вильсон», озадачивающему самых прозорливых литературоведов уже второе столетие. Фасцинация при чтении этого знаменитого текста проистекает не только из фундаментальной странности, сенсационности и ужасности изображенного в нем дублированного персонажа, но и из неопределенности, двойственности

«Влюбленного дьявола» Жака Казота, не случайно использованного в качестве отправной точки в теории фантастики Цветана Тодорова.

³ Об интерпретациях двойственности в «Веселом уголке» Г. Джеймса см. [Savoy 2013]; [Golovacheva 2018]; [Golovacheva 2021]. О феномене *ambiguity* в прозе Джеймса см., например: [Rimmon-Kenan 1977].

изображения и изложения, т. е. к двусмысленности (*ambiguity*), как нельзя более подходящей для изображения жуткого⁴. В сущности, производимый этой новеллой эффект зиждется в равной мере на трансгрессивности образов, разработанных Э. По, и на их размытости.

Повествование о появлении полного тезки главного героя, Второго Вильсона, загадочного двойника, повсюду следующего за Первым Вильсоном, представляет собой письменную исповедь главного героя⁵. Она открывается словами: «Позвольте мне называться Вильямом Вильсоном. Не стоит осквернять чистую страницу, лежащую передо мною, моим подлинным наименованием»⁶. Читателю предъявлена автобиография преступника, которого еще со школьных лет, проведенных в частном интернате, преследует точно такой же мальчик с таким же именем и датой рождения. Этот второй Вильям Вильсон будет следовать за героем до самого конца.

При наивном прочтении образ удвоившегося Вильсона, один из самых ранних и заметных образов двойника в американской литературе XIX в., обеспечивает настолько сильный эффект фасцинации, что все нестыковки, словно под гипнозом, становятся невидимыми: читатель с готовностью объясняет нелогичность за счет таинственности и необъяснимости⁷. Но стоит готическому туману рассеяться, а логике заработать, как нестыковки требовательно заявляют о себе. В тексте По имеется немало свидетельств того, что мы имеем дело с так называемым «ненадежным нарратором», с феноменом, нередким в повествованиях от первого лица⁸. Однако данная критическая оптика хотя и корректирует наивное прочтение, но не приводит к интегральной непротиворечивой интерпретации парадоксального текста. «Вильяму Вильсону», как уже было сказано, посвящено множество исследований, вся совокупность которых отнюдь не способствует

⁴ О двусмысленных повествованиях (*ambiguous narratives*) см.: [Brooks 2010], [Van Krieken 2018].

⁵ О парадоксе исповедей героев По см., в частности: [Головачева, Удалова 2020].

⁶ По Э.А. Полн. собр. рассказов / ред. А.А. Елистратова, А.Н. Николукин. М.: Наука, 1970. С. 200.

⁷ О наиболее ярких примерах разработки двойнической темы в американской литературе см., в частности: [Головачева 2024].

⁸ Феномену «ненадежного повествователя» посвящено множество работ, начиная с 1960-х гг. Одна из наиболее репрезентативных коллективных монографий последнего десятилетия на эту тему [Unreliable Narration and Trustworthiness 2015]. Также см.: [Wanlin 2018].

целостному и непротиворечивому ее восприятию. Критики склонны подавлять сопротивления, возникающие при чтении, и игнорировать очевидные нестыковки ради «убедительности» предлагаемого ими прочтения. Однако еще Леон Фестингер в своей знаменитой работе [Festinger 1957] предупреждал, что стремление к достижению консонанса отнюдь не гарантирует, что диссонанс уменьшится.

Приведем один из классических примеров попытки уменьшить диссонанс. В свое время Дэниэл Хоффман, известный поэт, заявил, что повествование Вильсона — это отчет о том, как персонаж шаг за шагом скатывается в безумие [Hoffman 1972]⁹. В самом деле, вполне вероятно, что Второй Вильсон, «внешний двойник», — это порождение «внутреннего голоса», т. е. в некотором роде результат саморефлексии героя. В этом тексте, разумеется, может быть обнаружена и мания преследования, безумие. И в таком ракурсе тезис Хоффмана выглядит убедительно. Однако то, что телесное существование Вильсона-копии подкреплено сюжетно (появление Второго Вильсона и его поступки якобы «объективно» фиксируются второстепенными героями), существенно осложняет интерпретацию новеллы исключительно как психопатологического этюда, как это вслед за Хоффманом спустя полвека делает, например, Т. Пророкова [Prokova, 2019]. Зададимся вопросом: где же иные признаки душевного расстройства Вильсона? По сюжету его характер не меняется, его поступки дурны, но вполне соответствуют всей его поведенческой парадигме. Он был проблемным ребенком в школе и стал испорченным молодым человеком. Приняв психопатологическую интерпретацию, критик оказывается не только в тупике тотального недоверия, но и в ситуации когнитивного обрушения — очевидно, что мы имеем дело не с абсурдистскими «записками сумасшедшего», а с текстом, предьявляющим автобиографическую историю преступления, снабженную вполне ясной мотивировкой.

Между тем в новелле обнаруживаются серьезные лакуны в плане достоверности, которые воздвигают перед читателем когнитивные препятствия. Так, двойник представлен в качестве реального индивидуума. В то же время он наделен сверхъестественными качествами: он непостижимо точно выбирает моменты своего вмешательства, разоблачения. Читатель пытается обрести равновесие, находя то под-

⁹ Авторы психоаналитических штудий, в свою очередь, придерживаются соответствующих теоретических (дисциплинарных) рамок, также затеняющих двусмысленность новеллы По. См., напр.: [Mooges 2006: 34].

тверждения, то опровержения изначальной версии «естественного» или «сверхъестественного». Когнитивный диссонанс выражается в сосуществовании в читательском сознании двух конфликтующих представлений о Втором Вильсоне. Наши колебания предопределены двумя противоположными посылками:

а) *Каждый человек уникален*. Доппельгангеры — лишь плод больного или художественного сознания. В таком случае второй Вильсон — фантом.

б) *Телесность может быть копирована, удвоена, воспроизведена*. Доказательством служит феномен близнячества и реальные случаи разлучения в младенчестве близнецов, которые повстречались лишь много лет спустя. Это означает, что появление второго Вильсона как минимум допустимо в фактическом и тем более в контрфактическом мире. Не случайны слова героя, пытающегося разрешить загадку дублера, неожиданно появившегося в интернете:

Вильсон не был связан с моим семейством даже в наималейшей степени. Но если бы мы были братьями, то уж близнецами: покидая учебное заведение доктора Бренсби, я ненароком узнал, что мой тезка родился девятнадцатого января 1813 года и это в некоторой мере примечательное совпадение, потому что это число — точный день моего появления на свет¹⁰.

(Wilson was not, in the most remote degree, connected with my family. But assuredly if we *had* been brothers we must have been twins; for, after leaving Dr. Bransby's, I casually learned that my namesake was born on the nineteenth of January, 1813 — and this is a somewhat remarkable coincidence; for the day is precisely that of my own nativity¹¹.)

Нельзя не признать, что текст По предъявляет нам следствия одновременно обеих указанных выше посылок, что делает пару Вильсонов взаимно противоречивой фигурой, сравнимой с так называемым треугольником Пенроуза.

¹⁰ По Э.А. Полн. собр. рассказов. С. 204.

¹¹ Poe, Edgar Allan. "William Wilson." In: *The Collected Works of Edgar Allan Poe*, edited by Thomas Ollive Mabbott, vol. II: Tales and Sketches, 422–451. Cambridge, (Massachusetts), London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1978: 432.

О близняческой интерпретации этой новеллы см.: [Langmade 2012].

Треугольник Пенроуза или
Невозможный объект.

Эдгар По этим не ограничился, предусмотрев и другие загадки. Так, если Второй Вильсон — не фантом, не наваждение, то как ему удается столь успешно преследовать героя, последовательно настигая его в разных странах? Какова причина его всеведения, как он узнает об очередном порочном замысле Первого Вильсона?

Не упрощают задачу и размышления Первого Вильсона о подражательности Второго Вильсона. Разглядывая спящего однокашника, Первый Вильсон думает о том, что визуальное сходство с двойником, возможно, иллюзорно:

Его бессмысленное и упрямое подражание моей походке, моему голосу, моим привычкам, моим манерам! Неужели же возможно представить в пределах вероятности, будто *увиденное мною сейчас* — лишь следствие постоянного упражнения в этой издевательской имитации?¹²

(And then his dogged and meaningless imitation of my gait, my voice, my habits, and my manner! Was it, in truth, within the bounds of human possibility, that *what I now saw* was the result, merely, of the habitual practice of this sarcastic imitation?¹³)

Обратимся к кульминации новеллы — к финальной сцене, в которой главный герой ранит двойника, отходит к дверям, чтобы проверить, закрыты ли они, затем оглядывается и видит, как ему кажется, большое зеркало и, наконец, понимает, что видит не отражение, а двойника, который произносит следующую речь:

Ты победил, и я сдаюсь. Но отныне мертв и ты — мертв для Земли, для Неба, для Надежды! Во мне ты существовал — и убедись по этому облику, по твоему собственному облику, сколь бесповоротно смертью моей ты погубил себя¹⁴:

¹² По Э.А. Полн. собр. рассказов. С. 208.

¹³ Poe, Edgar Allan. "William Wilson": 437.

¹⁴ По Э.А. Полн. собр. рассказов. С. 215.

(You have conquered, and I yield. Yet, henceforward art thou also dead — dead to the World, to Heaven and to Hope! In me didst thou exist — and, in my death, see by this image, which is thine own, how utterly thou hast murdered thyself¹⁵.)

Сцена дуэли и убийства переворачивает и опрокидывает, казалось бы, установленную фикциональную реальность двойника. Если Второй Вильсон — это не фантом, то каков смысл финала? Почему Первый Вильсон все еще жив и пишет мемуары? Разве автор не подводит нас к мысли, что оба Вильсона умерли? Если Вильсон-оригинал не пережил дуэли, кто же повествует об этой истории, начинающейся словами «Позвольте мне называться Вильямом Вильсоном»?¹⁶ (“Let me call myself, for the present, William Wilson.”¹⁷). Следует ли нам воспринимать признание героя как послание с того света или нарратив болтливости духа, желающего поделиться прижизненными впечатлениями?

На реальность происходящего как будто указывает тот факт, что читателю предъявлены письменные показания. Не ясно, однако, кто именно признается — ведь убийца, как мы видим, в финале приравнен к жертве, к двойнику. При таком сюжетном кульбите, который напоследок приберег для нас По, вполне ожидаемым было появление предположений о том, что голос повествователя в новелле принадлежит лишь Тени Вильсона или в любом случае некой части его подсознания. Рут Салливан, например, выдвинула следующую гипотезу: «Усиленный моралистический тон рассказа больше похож на голос суперэго, достаточно убедительный в своем садизме, потому что он замаскирован под исповедь-раскаяние» [Sullivan 1976: 256].

Когнитивное обрушение становится еще глубже, когда мы обращаем внимание на поэтику. Внимательный читатель не может не заметить резкой смены регистра: По предъявляет нам откровенно пафосный финал, обрывающий становящееся все менее подробным аналитическое изложение фактов. Двойник Вильсона в конце рассказа практически объявлен аллегорией совести, что превращает готический текст в притчу. Данная трансформация, в свою очередь, приводит к поэтическому дисбалансу. В самом деле, большая часть

¹⁵ Poe, Edgar Allan. “William Wilson”: 448.

¹⁶ По Э.А. Полн. собр. рассказов. С. 200.

¹⁷ Poe, Edgar Allan. “William Wilson”: 426.

новеллы выстроена так, чтобы представить рассказ как точный отчет о фактах и наблюдениях, т. е. добиться «эффекта реальности», привести контрфактический мир в некое соответствие с фактическим. Недаром По дает подробнейшие описания школы, где учились Вильсоны, окружающей ее территории, устройства классов и спален. После перехода от описания школьных лет к описанию последующих событий их изложение компрессируется. Темп рассказывания нарастает. И, наконец, финальный абзац (речь Второго Вильсона) придает рассказу свойства «невозможного объекта» [Penrose, Penrose 1958; Уракова 2009: 153]. Невольно задаешься вопросом, «не дурачит ли автор легковверного читателя», что вовсе не редкость в творчестве По [Осипова 2004: 13]¹⁸.

Один из путей решения загадки текста По — это принять гипотезу сновидения. Для такой интерпретации, нельзя не признать, есть основания. Так, например, во втором абзаце новеллы рассказчик задается вопросом: «Разве я воистину жил не во сне?»¹⁹ (“Have I not indeed been living in a dream?”)²⁰.

Поразительно то, что поэтика сновидения, которую выстраивает По, созвучна теории снов в том виде, в каком эта последняя представлена в когнитивистике. Достаточно обратиться к тезисам двух когнитивных критиков. Во-первых, сон не может быть пережит иначе как в текстовой обработке, т. е. в нарративе о сне, выстраивающем онейрические события и соответствующие переживания в последовательный сюжет. «Апостериорное проживание сна — это продукт нарратива» [Dennet 1981:132–137]. Во-вторых, сны — это фиктивные нарративы (fictive narratives) [Walsh 2010: 9]. Сновидение интерпретируется нейронауками как смешанный опыт, сочетающий рецепцию и порождение (reception and creation). Так и повествование Вильсона может трактоваться как результат его попыток упорядочить увиденное в собственных снах. В рамках такой гипотезы убийство двойника репрезентирует аутоагрессию Первого Вильсона, желание,

¹⁸ Ирония По нередко выражается, в частности, в намеренно инкорпорированных в текст несообразностях. См. об этом, например: [Осипова 2004]. В свою очередь, Александра Уракова справедливо отмечает, что тексты По зачастую располагают к буквальному прочтению, к некритическому восприятию притчевых смыслов. Но главное — в них «заранее встроено их неправильное прочтение» [Уракова 2009: 23].

¹⁹ По Э.А. Полн. собр. рассказов. С. 200.

²⁰ Poe, Edgar Allan. “William Wilson”: 427.

полностью воплощенное в его сновидении. Сновидческий нарратив дал По возможность создать образы, не вполне соотносимые с эмпирическим порядком вещей, и пренебречь аристотелевской логикой. Стоит напомнить, что перу По принадлежат несколько эссе о сновидениях и даже словосочетание «сон души», который отнюдь не идентичен сну как таковому (в эссе «Мнение о снах» — “An Opinion on Dreams”, 1838).

«Сон души», изображенный в «Вильяме Вильсоне», позволяет герою взглянуть на себя со стороны, погрузиться в бездны сознания. По одновременно изображает Вильсона, излагающего свою биографию, и Вильсона, ее проживающего. Именно это происходит при переживании и рассказывании снов.

Возникает напряжение между тем Я, которое видит и переживает события сна, и тем Я, которое порождает сновидение. Но, прежде всего, важно понимать, что сновидящее Я, будь оно действующим лицом или наблюдателем, само является частью сновидения, результатом процесса формирования сна или повествования о нем [Walsh 2010: 147].

Герой По, как уже было сказано, не уверен в собственном статусе. Его сомнения проистекают как из его *статуса сновидца*, так и из его постоянной *близости к фантазматическому alter ego*.

Данный сновидческий подход как будто развивает тезис о сне Вильсона, предложенный другими поэтами, например, Нэнси Берковиц Бейт [Bate 1998]. Однако Бейт, как нам представляется, неоправданно радикальна, когда утверждает, что рассказчик — это Второй Вильсон, которому снится Первый Вильсон, т. е., согласно Бейт, в сущности, перед нами сон двойника. Такая солипсическая интерпретация представляется хоть и забавной, но безосновательной. «Вильям Вильсон» — все же не «Алиса в Зазеркалье» Л. Кэрролла, в которой Траляля и Труляля объясняют Алисе, что она снится Черному Королю и, следовательно, она не настоящая.

Но сможем ли мы, даже признав нарратив онейрическим, проигнорировать содержащиеся в новелле логические лакуны? При всей привлекательности и удобстве сновидческого прочтения «Вильяма Вильсона», когнитивный диссонанс, очевидно, таким способом не устраняется.

Особый вызов данная новелла предъявляет, как это ни парадоксально, поэтам, равно как и тем читателям, которые знакомы с по-

столатами эстетической теории «единого эффекта», декларированными Эдгаром По в рецензии на сборник Натаниэля Готорна (“Review of Twice-Told Tales”, 1842). Зная теорию эффекта По, было бы странно не заподозрить, что все парадоксы «Вильяма Вильсона» — результат холодного расчета.

Какого именно эффекта добивался автор? Как уже было отмечено, трансформация прежде «правдоподобного» повествования в самоотрицающий текст происходит неожиданно и словно в нарушение «контракта с читателем». Все указанные выше противоречия, парадоксы и лакуны в новелле По и вызываемая ими реакция прямо указывают на то, что этот текст экспериментально эксплуатирует и тем самым исследует двусмысленность как таковую. Мы полагаем, что По намеренно предусмотрел не только когнитивные колебания читателя, но и добивался *эффекта вертиго*, головокружения. В сущности, *когнитивный диссонанс* и *vertigo* и есть центральная тема рассказа. Головокружительный финальный эпизод, камуфлируясь в притчу, придуман для искушенного читателя, который, прочитав заключительный абзац, изумится и перелистнет страницы назад к первому абзацу, сравнит его с концовкой и получит дополнительное удовольствие от подобной двигательной активности — кинестетики, но прежде всего от катания на карусели интерпретаций.

Выводы

Наша гипотеза позволяет, не выбрасывая на ветер иные интерпретации (в том числе сновидческие), предложенные поэтами, бившимися над загадкой двусмысленности «Вильяма Вильсона», предложить непротиворечивое прочтение новеллы По как *текста-исследования когнитивного диссонанса*. В такой интерпретации выявленные несообразности оказываются парадоксально эффективными. «Удовольствие от текста» (Р. Барт) в данном случае проистекает не только из интереса к оригинально представленному двойническому сюжету, но также из вовлеченности в придуманную автором когнитивную игру, включающую кинестетическую активность: прочитав загадочный финал, взыскующий ясности читатель возвращается к не менее загадочному зачину. Есть основания предположить, что По задумал обратить внимание искушенного читателя не только на искусственность, но и на искусственность конструкции его текста. Согласно остроумной формулировке Теренса Кейва, «Художественная литература — это притворство [...], однако если она прямо или косвенно провозглашает

себя притворством, обман рассеивается. Притворство — это оружие, совместное притворство — это игра» [Cave 2016: 71].

ЛИТЕРАТУРА

Головачева 2024 — Головачева И.В. Американский двойник / американский психопат в творческом тупике // Литература двух Америк. 2024. № 16. С. 147–168.

Головачева, Удалова 2020 — Головачева И.В., Удалова С.Ю. О ретрансляции двойственности: к новым пере-переводам двух новелл Эдгара По // Литература двух Америк. 2020. № 8. С.435–462.

Осипова 2004 — Осипова Э.Ф. Загадки Эдгара По. Исследования и комментарии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.

Петровский 2010 — Петровский В.А. Существует ли Я – субъект познания // Методология и история психологии. 2010. № 1. С. 136–148.

Петровский 2023 — Петровский В.А. О статусе «Я» в культурно-деятельностном дискурсе // Культурно-историческая психология. 2023. Т. 19. № 1. С. 35–40.

Уракова 2009 — Уракова А. Поэтика тела в рассказах Эдгара По. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

REFERENCES

Bate 1998 — Bate, Nancy Berkowitz. “I Think, but Am Not: The Nightmare of William Wilson.” *Poe Studies* 31, no. 1–2 (1998): 1–53.

Baumbach 2015 — Baumbach, Sibylle. *Literature and Fascination*. New York: Palgrave Macmillan, 2015.

Brooks 2010 — Brooks, David. “Ambiguity, the Literary, and Close Reading.” *Comparative Literature and Culture* 12.4 (2010Wilson.”17). Thematic Issue, Ambiguity in Culture and Literature, edited by Paolo Bartoloni, and Anthony Stephens. Article 9. <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1677&context=clweb>

Cave 2016 — Cave, Terence. *Thinking with Literature: Towards a Cognitive Criticism*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Dennett 1981 — Dennett, Daniel. “Are Dreams Experiences?” In: *Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology*, edited by Daniel C. Dennett, 129–148. Harvester Press, 1981.

Festinger 1957 — Festinger, Leon. *A Theory of Cognitive Dissonance*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1957.

Golovacheva 2024 — Golovacheva, Irina V. “Amerikanskii dvoinik / amerikanskii psikhopat v tvorcheskom tupike” [“American Double / American Psycho and the Writer’s Block”]. *Literatura dvukh Amerik*, no. 16 (2024): 147–168. (In Russ.)

Golovacheva 2021 — Golovacheva, Irina. “From Poe to James via Dostoevsky: Doppelgangers in American and Russian Short Story.” In: *Connection and Influence in the Russian and American Short Story*, edited by Jeff Birkenstein and Robert Hauthart, 35–46. Lanham, (Maryland): Lexington Books, 2021.

Golovacheva 2018 — Golovacheva, Irina. “In Search of the Doppelganger: Homecoming from Exile.” In: *European Writers in Exile*, edited by Robert C. Hauthart and Jeff Birkenstein, 169–185. Lanham, (Maryland): Lexington Books, 2018.

Golovacheva, Udalova 2020 — Golovacheva, Irina V., Udalova, Svetlana. Iu. “O retranslatsii dvoistvennosti: k novym pere-perevodam dvukh novell Edgara Po” [“Retranslating Ambiguity: on the New Translations of Two Tales by E.A. Poe”]. *Literatura dvukh Amerik*, no. 8 (2020): 435–462. (In Russ.)

Hoffman 1972 — Hoffman, Daniel. *Poe Poe Poe Poe Poe Poe Poe Poe*. Garden City (N.Y.): Doubleday, 1972.

Kukkonen 2017 — Kukkonen, Karin. “Fantastic Cognition.” In: *Cognitive Literary Science: Dialogues between Literature and Cognition*, edited by Michael Burke and Emily T. Troscianko, 151–168. New York: Oxford University Press, 2017.

Langmade 2012 — Langmade, Lynn. “The Wilson Duplex: Corporatism and the Problem of Singleton Reading in Poe’s ‘William Wilson,’ (or Why Can’t You See Twins?)” *Poe Studies: History, Theory, Interpretation*, no. 45, (October 2012): 5–39.

Moores 2006 — Moores, D.J. “‘Oh Gigantic Paradox’: Poe’s ‘William Wilson’ and the Jungian Self.” *The Edgar Allan Poe Review* 7, no. 1 (2006): 31–48.

Osipova 2004 — Osipova, Elvira F. *Zagadki Edgara Po. Issledovaniia i kommentarii* [The Puzzles of Edgar Allan Poe: Studies and Commentaries]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SpbGU Publ., 2004. (In Russ.)

Penrose, Penrose 1958 — Penrose, Lionel, and Roger Penrose. “Impossible Objects: A Special Type of Visual Illusion.” *British Journal of Psychology*, no. 49 (1958): 31–33.

Petrovsky 2010 — Petrovsky, Vadim A. “Sushchestvuet li Ia — sub'ekt poznaniia?” [“Does ‘I’ Exist as Subject of Cognition, Will and Feelings?”]. *Metodologiia i istoriia psikhologii*, no. 1 (2010): 136–148. (In Russ.)

Petrovsky 2023 — Petrovsky, Vadim A. “O statue ‘Ia’ v kul'turno-deiatel'nostnom disurse” [“The ‘I’ Status in the Cultural and Activity Discourse”]. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia* 19, no. 1 (2023): 35–40. (In Russ.)

Prorokova 2019 — Prorokova, Tatiana. “The Doppelganger, Psychology, and Poe.” In: *Psychology in Edgar Allan Poe*, edited by Gerardo Del Guercio, 10–120. Berlin: Logos Verlag, 2019.

Rimmon-Kenan 1977 — Rimmon-Kenan, Shlomith. *The Concept of Ambiguity: The Example of James*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1977.

Savoy 2013 — Savoy, Eric. “The Narrative Poetics of La Reprise.” In *Henry James and the Poetics of Duplicity*, edited by Dennis Tredy, Annick Duperray and Adrian Harding, 103–110. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, 2013.

Sullivan 1976 — Sullivan, Ruth. “Wilson's Double.” *Studies in Romanticism* 15, no. 2 (1976): 253–263.

Unreliable Narration and Trustworthiness 2015 — *Unreliable Narration and Trustworthiness: Intermedial and Interdisciplinary Perspectives*. Edited by Vera Nünning. Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2015.

Urakova 2009 — Urakova, Alexandra. *Poetika tela v rasskazakh Edgara Po* [*The Poetics of the Body in Edgar Allan Poe's Short Stories*]. Moscow: IWL RAS Publ., 2009. (In Russ.)

Van Krieken 2018 — Van Krieken, Kobie. “Ambiguous Perspective in Narrative Discourse: Effects of Viewpoint Markers and Verb Tense on Readers’ Interpretation of Represented Perceptions.” *Discourse Processes* 55, no. 8 (2018): 771–786.

Walsh 2010 — Walsh, Richard. “Dreaming and Narrative Theory.” In: *Toward a Cognitive Theory of Narrative Acts: Cognitive Approaches to Literature and Culture*, edited by Frederick Luis Aldama, 141–158. Austin: University of Texas Press, 2010.

Wanlin 2018 — Wanlin, Li. “Ambiguity as Aesthetic Strategy: Edgar Allan Poe's Ambitions for the American Short Story.” *Journal of Narrative Theory* 48, no. 2 (2018): 164–193.

© 2024 И.В. Головачева

Дата поступления в редакцию: 15.09.2024

Дата одобрения рецензентами: 30.09.2024

Дата публикации: 25.12.2024

© 2024 Irina V. Golovacheva

Received: 15 Sept. 2024

Approved after reviewing: 30 Sept. 2024

Date of publication: 25 Dec. 2024